

А.А. Малыгина

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

ВЕРИТЕЛЬНЫЕ ГРАМОТЫ В РУССКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1553–1583)

В данной статье рассматривается дипломатический обмен верительными грамотами между Англией и Московским государством в начальный период русско-английских отношений. Также приводятся несколько примеров английских верительных грамот в другие государства. Это позволяет выявить различия и сходства дипломатической практики двух стран. Установлено, что Москва в качестве партнера Лондона на политической арене была таким же контрагентом, как и любое другое европейское государство. Для Англии Московское государство не являлось особым случаем партнерства, в дипломатических отношениях с ним не учитывалась местная специфика.

Иван IV, Елизавета I, русско-английские отношения, верительные грамоты, дипломатия.

Любую дипломатическую миссию сопровождает целый комплекс документов, который обеспечивает ее продвижение, полномочия и статус. В этот «пакет» входят и верительные (верющие) грамоты. Согласно определениям дипломатической терминологии, верительные грамоты являются «документом, удостоверяющим представительный характер дипломатического представителя и аккредитующим его в этом качестве в иностранном государстве» [1, с. 191]. Подобный документ прочно вошел в дипломатическую практику Московского государства. Верительные грамоты использовали и европейские страны, в том числе английское королевство.

Русско-английские отношения периода правления Ивана IV Грозного оставили нам не только саму переписку царя с английскими монархами, но и несколько верительных грамот, как с английской, так и с нашей стороны. В данной работе будут рассмотрены английские верительные грамоты к царю Ивану IV, которые предстоит сравнить с подобными документами к другим европейским монархам и московскими верительными грамотами. Это позволит выявить сходства или различия в составе документов и выяснить, насколько отличалась практика использования верительных грамот в Москве и Лондоне.

В английской историографии авторы не раз обращались к теме верительных грамот. Так, в монографии Рэйн Эллинсон отдельная глава посвящена дипломатической переписке королевы Елизаветы I и царя Ивана IV [2, р. 111–129]. Автор уделяет много внимания не только посланиям, но и верительным грамотам, о которых упоминается повсеместно. В книге, охватывающей взаимоотношения с основными европейскими державами, есть информация как о публикациях верительных грамот, так и о том, какие миссии они сопровождали [3, р. 113, 117, 128]. В недавней коллективной монографии «Иностранная переписка Елизаветы I» подробно описана верительная грамота английского посла Джерома Бауса 1583 г. [4, р. 219]

В приведенных публикациях верительные грамоты упоминаются в связи с другими вопросами и предметом специального анализа не были. В отечественных публикациях верительные грамоты характеризуются кратко, ввиду их типологической схожести и также глубокому анализу не подвергались [5].

Образцом верительной грамоты в русско-английских отношениях периода правления Ивана IV являются два сохранившихся документа: грамоты А.Г. Совина 1569–1570 гг. и из посольства Ф.А. Писемского и Н. Ховралева 1582–1583 гг. [6, ф. 1]. Двух документов вполне достаточно для сравнения, потому что верительные (верющие) грамоты московские, в отличие от английских, имели строгий и неизменный формуляр. Состав документа был следующим: от великого государя, царя, князя (полный титул), к королю (королеве) (полный титул), кто отправляется в посольство, его имя и статус. Далее просьба верить. В грамоте Совина: «И что они (посол А.Г. Совин и дьяк С. Севастьянов. – *А. М.*) от нас учнут тебе сестре н[аше]й говорити, и ты бы им вѣрила – то есть наши рѣчи». В грамоте Писемского: «И что тебѣ от нас сестрѣ нашей посол наш Федор Писемской и подячей Епифане[й] Неудача учнут говорити, и ты б им вѣрила – то есть наши рѣчи». В эсхатоколе указывалось место, где писалась грамота и дата [7, с. 11]. Заверялся документ большой государственной печатью. Верящую грамоту передавал глава посольства [8, с. 13].

Некоторые из интересующих нас английских верительных грамот Ивану IV впервые были опубликованы в издании Ричарда Хаклюйта [9]. Этот сборник содержит не только документы, связанные с русско-английскими отношениями, но и описывает другие «путешествия английской нации» в XVI в.

Из многочисленного наследия русско-английской переписки на ее начальном этапе (1553–1583 гг.) удастся обнаружить четыре верительных грамоты. Первая грамота относится ко второй миссии Энтони Дженкинсона в 1561 г. [10, л. 1]. Две других – к его четвертой миссии 1571–1572 гг. [11, р. 426–428]. По-

следняя – к посольству Джерома Бауса 1583–1584 гг. [12, л. 1–2].

Ни одна из английских верительных грамот строго не соответствует приведенному в начале данной работы ее определению и стандарту грамот московских, но, тем не менее, выполняет их функции. Первый подобный пример – послание к Ивану IV от 25 апреля 1561 г. Эта миссия была для Энтони Дженкинсона второй и состоялась в 1561–1564 гг. в правление Елизаветы I Тюдор. Состав документа: от королевы (полный титул) к царю (полный титул), приветствие. Далее: преамбула (преемственность отношений, начатых при короле Эдуарде VI), после – изложение обстоятельств миссии Дженкинсона. В конце грамоты – место, дата и субскрипция рукой королевы.

С одной стороны, Елизавета Тюдор обозначает себя в качестве преемника предыдущих монархов, а с другой – представляет своего специального посланника (*special envoy*) и просит оказать ему всяческое содействие в дальнейших путешествиях и торговле. В тексте грамоты королева просит снабдить английского дипломата и путешественника всеми необходимыми документами для проезда в Персию к «Великому Софию». В том числе и верительными грамотами. «Софием» в данном случае именуется второй шах династии Сефевидов Тахмасп I (1514–1576).

Печать грамоты не сохранилась, однако в нижней части листа видны прорези для шнурков, на которые она могла быть привешена. Также Дженкинсон вез с собой грамоту к шаху от Елизаветы.

В послании королевы к царю содержится масса информации. Она представляет не только своего посланника, но и себя. А также просит покровительства для осуществления другой посольской миссии. Подобное представление дипломата, вероятно, было типичным для английского внешнеполитического ведомства.

В последний визит в Москву Дженкинсон был уже официальным послом английского королевства в России [13, р. 416]. Этот визит англичанина 1571–1572 гг. пришелся на крайне сложный период во взаимоотношениях России и Англии и трудные внешние обстоятельства. Речь идет о нашествии Девлет-Гирея и пожаре в Москве в 1571 г., а также лишении англичан торговых привилегий годом ранее. Отправка посла в Москву была хитрым ходом, Дженкинсон, хорошо известный Ивану Васильевичу и уже заслуживший его расположение, мог повлиять на возврат привилегий английским купцам.

Важно сказать, что в «пакете» миссии Дженкинсона было четыре письма: три – датированы 2 июня, одно – 15/16 июня [14, f. 43+v]. Одно из писем от 2 июня [15, f. 37] отправили заранее, вероятно, в день написания, а получили не позднее 9 августа, о чем свидетельствует послание Ивана IV от августа 1571 г. [16, f. 1] Царь сообщает, что еще не принял Дженкинсона, однако уже слышал о его прибытии на территорию России. Отправленное заранее письмо от 2 июня было так называемым «представлением» (*letter of introduction*), как считал Г. Хаттенбах [17, р. 426, f. 37]. По своей форме и содержанию оно близко к типу «верительной грамоты», подобной тем, что были нормой для московских дипломатических миссий. Парадокс заключается в том, что свою основную функцию –

удостоверять и аккредитировать дипломата – письмо не выполняет. Ведь Дженкинсон приехал позже, уже после прочтения его царем Иваном IV.

Грамота (*letter of introduction*) начинается с представления адресанта (королевы), далее – адресат (царь), потом преамбула с упоминанием имени человека, доставившего предыдущее послание царя от 24 октября 1570 г. – Дэниэла Сильвестра. Основной текст содержит информацию о после и причинах, побудивших королеву отправить его в Москву. В основной части нет прямого указания «верить» дипломату – оно завуалировано. Но королева указывает, что ее представитель хорошо знаком Ивану Васильевичу и с ним можно обсуждать даже секретные дела.

Остальные три послания Дженкинсон вручил лично уже в 1572 г., в том числе вторую верительную грамоту от 15/16 июня (*letter of accreditation*). При сравнении «представления» и «аккредитации» становится очевидным близкое сходство их текстов. Лишь некоторые фразы отличаются и английский посол в первом случае назван Джоном, а не Энтони. Однако их смысл разнится.

В составе грамоты (*letter of accreditation*) мы видим в начале от кого она (от королевы), затем к кому (к царю). Далее преамбула, в которой указана причина написания послания, потом основная часть. В завершении текста: «[Грамота] дана и т.д.». То есть, в списке нет полной информации относительно места и даты послания. Какой печатью была скреплена грамота – неясно. В самом тексте упоминаний нет ни об этом, ни о подписи королевы – была ли это сигнатура или субскрипция.

Обращаясь к содержанию аккредитационного письма от 15/16 июня 1571 г., мы видим, что Елизавета I уведомляет Ивана IV о получении его послания от 24 октября 1570 г. и решении направить к нему с ответом Энтони Дженкинсона «по многим причинам». Она поясняет, что ее ответ не будет правильно понят без объяснений посла. Дженкинсон здесь, потому что предан королеве и уже заслужил доверие царя. А посему никто другой не сможет быть столь полезным в этом деле. Тем более, он в курсе тех дел, которые обсуждались ранее с послом Совиным в 1569–1570 гг. Королева просит отнестись к своему послу по доброму и с честью.

В этой миссии перед английским послом стояла нелегкая задача. Наступивший годом ранее кризис в русско-английских отношениях мог затянуться. Дженкинсон, с одной стороны, должен был восстановить торговые привилегии Московской компании, а с другой – создать у Ивана IV иллюзию, что военный союз с Англией может быть заключен, хотя, конечно, это было исключено. В первом письме-представлении цель миссии Дженкинсона указана довольно расплывчато, однако есть намеки на «некий тайный союз» или лигу. В письме-аккредитации, цели уже более прозрачны, упоминается русский посол Совин, с которым обсуждались вопросы тайного союза. Английскому послу было разрешено обещать все что угодно, но ни в коем случае не фиксировать это на бумаге [18, р. 422–423].

Таким образом, письмо-аккредитация от 2 июня 1571 г. по своему составу более похоже на послание,

нежели на верительную грамоту, как это было и в предыдущем примере с миссией Дженкинсона в 1561 г. В ней «сплетены» не только представительские функции, но и детали миссии посла, что не соответствует определению «верительной грамоты».

Посольство 1571–1572 гг. было особенно сложным ввиду различных обстоятельств. Возможно, поэтому было принято решение разделить документацию и в том числе написать две верительных грамоты, которые отправлялись поочередно, как бы подготавливая Ивана IV к «правильному» восприятию позиции Лондона. Одна из них, как указано выше, пришла еще до того, как прибыл посланник, а вторая вручена им лично.

Следующая сохранившаяся верительная грамота русско-английской переписки относится к 80-м гг. XVI столетия. Джером Баус приехал в Россию в 1583 г., сопровождая русских послов Ф.А. Писемского и Н. Ховралева. Баус путешествовал в ранге полномочного посла и привез королевскую грамоту. По составу грамота Бауса начинается с полного титула королевы, далее – полный титул царя и приветствие, после – преамбула с представлением посла. Исходного текста следует, что Елизавета I отправляет ответное посольство в Москву для переговоров. Ее представитель Джером Баус – «дворянин ближней и доброй о нас полублен» [19, № 1, л. 142–144]. Далее речь идет о враче Роберте Якове, которого королева просит отпустить домой в Англию. В эсхатоколе послания: дата и место создания грамоты, благопожелание царю и сигнатура королевы.

В этом послании мы вновь видим несоответствие документа требованиям верительной грамоты. В тексте соединяется реализация различных целей, а не только функция представления и аккредитации английского посла.

На примерах посланий, отправленных в Москву с английской стороны, очевидно, что ни одной грамоты, строго соответствующей стандарту верительных, нет. Как по сравнению с подобными грамотами московскими, так и по определению современного Дипломатического словаря. Чтобы понять, являлась ли такая практика в Англии стандартной для стран, с которыми поддерживались дипломатические отношения, следует рассмотреть и другие примеры подобных документов, которые также будут представлены в хронологическом порядке.

Для Англии были крайне важны отношения с шотландским королевством. Английский дипломат Ральф Сэдлер, находившийся в опале, при Елизавете Тюдор был восстановлен в королевской милости и в 1559 г. отправился в Шотландию для заключения союза с местными протестантами. Послу была выдана верительная грамота от 7 сентября [20, f. 24v–25v]. Она обращена к Марии де Гиз, вдовствующей королеве Шотландии. Письмо начинается с обращения к адресату (без титула), адресант не представлен. Далее изложены обстоятельства дела, обсуждаемого в тексте. В нем также содержатся уверения в дружбе и «сестринской любви». Имя Сэдлера упоминается уже почти в конце грамоты, которая была скреплена «великой печатью». Дипломат назван «экспертом в иностранных делах», что неудивительно. Сэдлер не раз

приезжал в Шотландию при предшественниках Елизаветы Тюдор и был опытным переговорщиком. Список обрывается на полуслове, даты и места создания нет.

В самом письме Марии де Гиз содержится много дополнительной информации, что позволяет говорить о том, что послание выполняет несколько функций, в том числе и верительной грамоты. Такая характеристика – «верительная грамота» – в данном случае вновь наводит на мысль, что подобный состав документа был типичен для английской дипломатии.

На полях списка документа дана запись другим почерком, она начинается со слов «This is a letter of credence», т.е. «это – верительная грамота». Запись, с большой долей вероятности, современна самому списку. Это подтверждается сходной орфографией в написании некоторых слов и их стилистикой, построением предложений. Например, как в самом списке, так и записи на полях слово «ioyn» (в контексте грамоты – присоединение к посольской миссии) написано одинаково.

Слово «credence» в значении «вера» встречается в одном из первых словарей английского языка «Table Alphabeticall», выпущенном Робертом Коудри в 1604 г. [21]. В трех изданиях «Principal Navigations...» Ричарда Хаклюйта 1599, 1809 и 1903 гг. в документах, связанных с посольством Тевтонского ордена к Ричарду II в 1388 г., дважды употребляется слово «credence» [22, p. 12]. Магистр ордена Конрад Зольнер фон Ротенштайн рассчитывал на военную поддержку англичан. Его послы везут с собой «верительные грамоты» (letters of credence). То есть само слово «credence» в значении «веры послам», имеющим с собой соответствующие документы, употреблялось в Англии еще в XIV в. В записках Джерома Горсея встречается другой вариант обозначения верительных грамот (русских послов Писемского и Ховралева в 1582 г.) – «letters comendatory» [23, p. 196, 237]. Слово «comendatory» согласно словарю Джонсона определяется как «благоприятно представленный, содержащий похвалу» [24, p. 52]. Таким образом, смысл определения Горсея достаточно близок к слову «credence».

Позднее, в 1730 г., в «Dictionarium Britannicum» появляется слово «credentials», обозначающее «аккредитивы или рекомендательные письма, особенно для предоставления полномочий послу, полномочному представителю» [25, p. 200].

Продолжая тему Шотландии, приведем другой пример верительной грамоты в королевство из Англии. Генри Килигрю был английским дипломатом, несколько раз участвовал в переговорах с Шотландией. Верительная грамота данная ему датирована 14 июня 1575 г. [26, 228. f. 524]. Оригинал документа начинается с обращения к адресату (без титула), имени и титула адресанта нет, далее изложение обстоятельств дела с упоминанием имени английского посланника. В эсхатоколе документа – дата и место создания, после – благопожелание королевы и сигнатура.

Елизавета Тюдор обращается к регенту Джеймсу Дугласу, графу Мортону, называет его «кузеном» ввиду более низкого статуса властных полномочий. Генри Килигрю назван «слугой» и никак иначе, который доставит резолюцию королевы с отказом заклю-

чить вечный союз с Шотландией, назначить выплаты регенту и лордам и опекать королеву Марию Стюарт. В тексте прописано, что грамота скреплена «печаткой» (личной печатью монарха – *signet*). Важно отметить, что оригинал документа, видимо, так и не был отправлен. Следов печати на нем нет. В этом случае Килигрю передает документы от своей королевы, его полномочия четко очерчены. Он предстает в качестве посланца, выражающего волю монарха.

Верительные грамоты на континент были сходны по своей форме с предыдущими примерами и тоже не подходят в полной мере под определение. Джон Герберт был валлийским юристом, дипломатом, членом палаты общин, принимал участие в торговых переговорах с Речью Посполитой в 1583–84 гг. в качестве посла королевы. Его верительная грамота датирована 6 июля 1583 г. [27, f. 41] Состав документа: от королевы (без титула – etc.) к королю (также без титула), далее преамбула, после – изложение обстоятельств дела с упоминанием города Эльбинга. Затем следуют имена послов королевы, описание их миссии и в конце – дата, место и благопожелание королевы без подписи (перед нами список).

Королева обращается к Стефану Баторио, представляет своих послов Джона Герберта и Уильяма Салкинса. Последний ранее был там с посольством в 1581 г. [28, p. 177–178]. Речь в грамоте идет о торговле, о привилегии так называемой Эстляндской компании в Эльблонге (нем. Эльбинг), которая была основана в 1579 г.

Форма списка грамоты сходна с другими вышеуказанными примерами. Что вновь подтверждает наличие у англичан единой дипломатической практики по отношению к европейским державам, в список которых входило и Московское государство. По содержанию грамота близка к тексту подробных документов миссии Дженкинсона 1571–1572 гг., также речь идет о торговых делах, далее представляются послы, которые смогут уладить все вопросы, разъяснить позицию королевы. Какой была печать – в тексте не упоминается. Кроме верительной грамоты конволют содержит и списки других документов миссии Джона Герберта.

Далее приведем пример грамоты в одну из стран – соседей английского королевства. Джон Норрис был английским военным, принимал участие в религиозных войнах во Франции, Фландрии, в войне за независимость Нидерландов, Англо-Испанской войне и завоевании Ирландии. Его верительная грамота датирована 6 января 1591 г. [29, f. 198r-199v]. В начале документа – адресат (Генеральные Штаты) без упоминания адресанта, далее речь идет о послых королевы и изложение основных обстоятельств. В эсхатоколе – место и дата создания документа. О печати в тексте упоминаний нет.

Королева обращается к Генеральным Штатам Нидерландов за помощью, чтобы сокрушить общего врага – короля Испании, то есть она предлагает заключить военный союз, дабы поддержать короля Франции. Дает грамоту Джону Норрису и Томасу Бодли (основатель Бодлианской библиотеки в Оксфорде) со всеми полномочиями для заключения союза. Джон Норрис представлен как человек больших заслуг перед этой страной, оказавший «выдающиеся услуги».

Бодли – верный слуга и советник. В этом случае грамота также носит представительский характер, аккредитация послов королевы, но в то же время содержит информацию с предложением военного союза.

Остановимся также на вопросе о том, какими языками пользовались в Англии для дипломатических целей? В том числе при создании верительных грамот? В перечисленных примерах мы видим достаточное разнообразие – три языка (латинский, английский и французский).

Латинский язык был одним из основных в XVI в. и позиция латинского делопроизводителя английского королевского секретариата имела большое значение. Один из латинских секретарей, сэр Джон Уолли в 1593–1596 гг. делил должность главного секретаря с Робертом Сесилом. Подпись латинского секретаря часто встречается на грамотах того времени в левом нижнем углу листа [30, p. 27].

Вторым по значимости был французский язык. Это связано с памятью о норманнском завоевании. Так, лишь в правление Генриха V английский язык становится государственным [31]. Еще одним популярным языком был итальянский. Как ни парадоксально, родной язык был последним из языков английской дипломатии.

В английской дипломатической практике в начальный период русско-английских связей на родном – английском языке писали только в Шотландию. Это касается не только верительных грамот, но и собственно посланий. Правда, есть одно исключение: в правление Марии I и Елизаветы I сохранилось по одному посланию от каждой королевы на английском языке к Ивану IV. К верительным грамотам это положение не относится.

В остальных же случаях английская дипломатия пользовалась языками, понятными для их контрагентов. Как указано выше, это мог быть французский, итальянский языки для стран Западной Европы или, когда дело касалось стран Восточной Европы, таких как Московское государство и Речь Посполитая, – то предпочитали язык международного общения – латынь.

Также нам кажется важным остановиться на вопросе печатей. В трех верительных грамотах есть прямое указание, какой была печать. Грамоты Джерома Бауса и Ральфа Сэдлера скреплены «великой» или Большой государственной печатью (*Great seal*). А грамота Генри Килигрю – «печаткой» или Личной печатью монарха (*Signet*). Может показаться, что «великая» печать могла скреплять верительные грамоты тех дипломатов, кто ехал впервые, как в случае с Баусом. Однако Сэдлер, как указано выше, бывал в Шотландии ранее и хорошо себя зарекомендовал. А грамота Килигрю скреплена «печаткой». Таким образом, здесь представлены два варианта печатей английского королевства, и мы не можем сделать однозначного вывода о принципе их использования.

Как известно, никакие документы, в том числе дипломатические, московские правители XV–XVII вв. не подписывали. Для удостоверения подлинности документа (грамоты) достаточно было печати. В западноевропейских странах было скорее наоборот. Большее значение имела как раз собственноручная

подпись монарха, в частности королевы Елизаветы Тюдор или ее предшественников. Печать была своего рода символом статуса правителя и дополняла его подпись [32, с. 275]. Т.е. королева могла использовать Большую государственную печать (Great seal) или Малую государственную печать (Privy seal) и даже Личную печать (Signet).

Описывая и анализируя верительные грамоты, мы опирались на определение отечественного Дипломатического словаря. Но так ли оно универсально? Как соотносятся эти определения в русском и английском языках? Как описано выше, слово «credence» в отношении документов, используемых в качестве верительных грамот, употреблялось в Англии как минимум с XIV в. Однако важно отметить, что речь идет об обозначении грамот контрагентов.

Среди приведенных примеров английских верительных грамот в XVI в. выделяется послание Елизаветы Тюдор к Марии де Гиз. Как уже было сказано, собственно письмо в записи на полях именуется «a letter of credence», то есть – верительная грамота.

Таким образом, мы видим значительные отличия в практике составления верительных грамот в Московском государстве и Англии. В Московском государстве это был краткий документ с устоявшейся формулой, составленный на родном языке и заверенный государственной печатью. В Англии в рассматриваемый период верительные грамоты не имели строгого формуляра, содержали дополнительную информацию о дипломатических миссиях, выбор языка зависел от особенностей каждой конкретной миссии. Грамоты скреплялись различными печатями и удостоверялись подписью правителя.

Очевидно, что англичане не могли не заметить этих различий, но не посчитали необходимым как-то реагировать на специфику московской дипломатической практики. Мы приходим к выводу о том, что Московское государство для Англии было одним из многих дипломатических партнеров, аналогичным любой другой европейской стране. Составляемые для отправки в Москву верительные грамоты по своей форме ничем не отличаются от подобных документов в другие страны, что говорит о наличии единого стандарта для европейских контрагентов. Англичане, вероятно, не видели смысла учитывать местную специфику и московский посольский обычай.

Все вышеописанные документы, несмотря на разницу дипломатических практик двух стран – Московского государства и Англии, выполняли свои функции в качестве верительных грамот в полной мере.

Литература

1. Дипломатический словарь : в 3 томах. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва, 1985. – С. 191.
2. Allinson, R. A Monarchy of Letters. Royal Correspondence and English Diplomacy in the Reign of Elizabeth I / R. Allinson. – New York, 2012. – P. 111–129.
3. Ibid. P. 113, 117, 128.
4. Bajetta, C. Elizabeth I's Foreign Correspondence / C. Bajetta, G. Coatalen, J. Gibson. – New York, 2014. – P. 219.
5. Сергеев, Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. / Ф. П. Сергеев. – Кишинев, 1971; Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / составитель

Н. М. Рогожин. – Москва, 1990 ; Рогожин, Н. М. У государевых дел быть указано / Н. М. Рогожин. – Москва, 2002.

6. Лондон. National Archives. Public Record Office. EXT 9/54 (рус.); Лондон. The National Archives. SP 102/49/2 (рус.).

7. Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV начало XVIII в.) / составитель Н. М. Рогожин. – Москва, 1990. – С. 11.

8. Там же, с. 13.

9. Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, and Discoveries of the English Nation: Made by Sea or Over Land to the Most Remote and Farthest Distant Quarters of the Earth at Any Time within the Compasse of These 1500 Years: Divided into Three Several Parts According to the Positions of the Regions Whereunto They Were Directed; the First Containing the Personall Travels of the English unto Indæa, Syria, Arabia... the Second, Comprehending the Worthy Discoveries of the English Towards the North and Northeast by Sea, as of Lapland... the Third and Last, Including the English Valiant Attempts in Searching Almost all the Corners of the Vaste and New World of America... Whereunto is Added the Last Most Renowned English Navigation Round About the Whole Globe of the Earth. London: Imprinted by George Bishop and Ralph Newberie, deputies to Christopher Barker, printer to the Queen's Most Excellent Majestie. 1589. Tomus II. Folio.

10. Ibid. P. 359–361. Москва. РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 2. Оригинал (лат.).

11. Huttenbach H.R. The Search for and Discovery of New Archival Materials for Ambassador Jenkinson's Mission to Muscovy in 1571–72: Four Letters by Queen Elizabeth I to Tsar Ivan IV // Canadian-American Slavic Studies. – 1972. – Vol. 6, № 3. – P. 426–428.

12. Hakluyt 1589. P. 489–490. Москва. РГАДА. Ф. 35. Оп. 2. № 4. Оригинал, 2 л. (лат.).

13. Huttenbach, 1972. – P. 416.

14. Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3.20, f. 43r+v (лат.). Список.

15. Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3.20, f. 37 (лат.). Список.

16. Huttenbach 1972. P. 418; Лондон. The National Archives. Public Record Office. EXT 11/90.

17. Huttenbach 1972. P. 426; Кембридж. Cambridge University Library. The Department of Manuscripts and University Archives. Dd. 3. 20. F. 37. (лат.). Список.

18. Huttenbach, 1972. – P. 422–423.

19. РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. № 1. Л. 142–144. Копия XVI в.

20. Лондон. British Library. Cotton MS Caligula BX/1 ff. 24v–25v. (англ.) Список.

21. Cawdrey R. A Table Alphabeticall, conteyning and teaching the true writing, and vnderstanding of hard vsuall English wordes, borrowed from the Hebrew, Greeke, Latine, or French, &c. With the interpretation thereof by plaine English words, gathered for the benefit & helpe of Ladies, Gentlewomen, or any other vnskilfull persons. Whereby they may the more easilie and better vnderstand many hard English wordes, which they shall heare or read in Scriptures, Sermons, or elsewhere, and also be made able to vse the same aptly themselves. – London. 1604. – URL: <https://leme.library.utoronto.ca/lexicons/276/details#details> (10.11.2022). – Text : Electronic.

22. Hakluyt R. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation, in Five Volumes. London 1599. Vol. I. P. 162, 165; Hakluyt R. The Principall Navigations, Voiages, Traffiques and Discoveries of the English Nation. London 1809. Vol. I. P. 162, 165; Hakluyt R. The Principal navigations, voyages, traffiques& discoveries of the English nation made by sea or over-land to the remote and farthest distant quarters of the earth at any time within the compasse of these 1600 yeeres. Glasgow. 1903. Vol. II P. 12.

23. Bond, E. A. *Russia at the Close of the Sixteenth Century comprising the Treatise Of the Russe Common Wealth and the Travels of Sir Jerome Horsey, now for the first time printed entire from his own Manuscript / ed. By E. A. Bond.* – London, 1856. – P. 196, 237.
24. Johnson, S. *Dictionary of the English language / S. Johnson.* – London, W. Pickering, 1828. – P. 52.
25. Bailey, N. *Dictionarium Britannicum: or a more compleat universal etymological English dictionary than any extant ... Collected by several hands, the mathematical part by G. Gordon, the botanical by P. Miller / N. Bailey.* – London, 1730. – P. 200.
26. Лондон. British Library. Cotton MS Caligula C III 481. 228. F. 524. (англ.) Оригинал.
27. Лондон. British Library. Cotton MS Galba D XII. F. 41 г. (лат.). Список.
28. Szelagowski, A., & Gras, N. S. B. (1912). *The Eastland Company in Prussia, 1579–1585.* *Transactions of the Royal Historical Society*, 6, 163–184. <https://doi.org/10.2307/3678245>. P. 177–178.
29. Лондон. British Library. Harley MS 287 ff. 198r–199v. (фр.). Список.
30. Allinson, 2012. – P. 27.
31. Ibid.
32. Юзефович, Л. А. *Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал / Л. А. Юзефович.* – Санкт-Петербург, 2007. – С. 275.

A.A. Malygina

**LETTERS OF CREDENCE IN DIPLOMATIC RELATIONS
BETWEEN RUSSIA AND ENGLAND (1553–1583)**

The study analyzes diplomatic exchange of letters of credence between England and Muscovy in the early period of their relations. Several English letters of credence to other countries are also considered. It allows to compare and contrast diplomatic practice of both countries. It is determined that Moscow as London's political partner was one of the European countries counterparties. England did not consider Muscovy as a special type of partnership. In diplomatic relations with it London did not take into account local peculiarities.

Ivan IV, Elizabeth I, Russian-English relations, letters of credence, diplomacy.